

Голландцы на берегах Невы

В Санкт-Петербурге Лейденская коллекция вступила в диалог с шедеврами собрания Эрмитажа

11 сентября 2018
Евгений Авраменко

Фото: ТАСС/Интерпресс/Светлана Холявчук

В Эрмитаже открылась выставка «Эпоха Рембрандта и Вермеера. Шедевры Лейденской коллекции», представляющая голландское искусство XVII века и рисунок Леонардо да Винчи. Северная столица — один из пунктов мирового турне, стартовавшего в прошлом году в Лувре, а затем охватившего Пекин, Шанхай и Москву («Известия» рассказывали об экспозиции в ГМИИ имени Пушкина). Но только Эрмитаж дополнил работы из частной коллекции американской четы Каплан картинами из своего собрания, отчего она воспринимается по-новому. К тому же, когда такой проект принимается музеем, для которого голландская живопись столь важна, это имеет особое, символическое значение для обеих сторон.

Владелец Лейденской коллекции Томас Каплан признался «Известиям», что собрание Эрмитажа — его любимое.

— В 2014 году мы с семьей совершили «паломничество» в Эрмитаж, я показал своим детям «Блудного сына» и «Святое семейство», о которых они так много слышали. Если Амстердам — это Мекка Рембрандта, то Санкт-Петербург, конечно, Медина, — отметил он. — В этих стенах наша коллекция обретает особую связь с золотым веком голландской живописи и, в частности, Рембрандтом, который стал частью русской души.

Кроме несомненной художественной значимости этой выставки очевидна и ее дипломатическая миссия — скоро 10 лет, как музейный обмен между Россией и США прерван, но на частные коллекции это не распространяется.

Экспозиция разместилась в Николаевском зале Зимнего дворца. В темноте гигантского (более 1,1 тыс. кв. м) пространства картины высвечены сверху лучами прожекторов: видимо, так сделали в соответствии со светотеневыми эффектами позднего Рембрандта.

— Мне кажется, Николаевский зал — самый роскошный из всех, где проходила эта выставка, — отметила Лара Ягер-Красселт, куратор Лейденской коллекции. — Единое большое пространство позволило нам по-особому организовать экспозицию. В центре зала, в «сердце», мы поместили главные шедевры коллекции, в основном Рембрандта. А ученики, последователи, получается, расходятся от него, как лучи.

Внимательный читатель каталога заметит, что на выставке недостает одной из 82 заявленных работ: до Петербурга не доехал автопортрет Говерта Флинка. Во время турне было принято решение вернуть его на место хранения. По словам американского куратора, это вызвано стремлением обеспечить сохранность произведения. Зато эрмитажное дополнение из восьми картин придало Лейденской коллекции, для молодого частного собрания и так на удивление цельной и внутренне продуманной, еще больший смысловой объем.

Впрочем, не стоит думать, что музей перенес в Николаевский зал свои хиты. Здесь нет картины Рембрандта «Давид и Ионафан», которая входила в коллекцию, купленную Петром I за полвека до возникновения Эрмитажа. Нет, допустим, и «Святого семейства», хотя репродукция эрмитажного шедевра и висит рядом с камерной «Головой девушки», которая считается эскизом к нему. В Николаевском зале вообще нет эрмитажного Рембрандта.

Кураторы поступили изобретательнее, не «выпятив» свою коллекцию, а, наоборот, интегрировав петербургские раритеты столь органично, чтобы их распознавание стало отдельной интригой. Способность картины срифмоваться с приезжими шедеврами, заиграть смысловыми «отражениями» — вот что стало критерием отбора. И он оказался точным и изящным, как сами «малые голландцы».

Эксклюзивность петербургской выставки подчеркнута провенансом «Торговки сельдью» Геррита Доу. Картина, прибывшая из Нью-Йорка, была приобретена Екатериной II и находилась в Эрмитаже, пока императрица не подарила ее графу Владимиру Орлову. Потомок графа в начале XX века продал семейную реликвию за границу. Но в России осталась схожая по композиции картина того же художника с таким же названием, и логично, что сейчас она висит рядом. Так два произведения вновь встретились в Эрмитаже.

Izvestia

11 September 2018

Yevgeniy Avramenko

“The Dutchman on the Neva banks”

An exhibition has opened at the Hermitage, “The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection,” centering on 17th century Dutch Golden Age art and featuring a drawing by Leonardo da Vinci. The capital of the North is one of the stops on this show’s world tour, which began last year at The Louvre in Paris and later traveled to Beijing, Shanghai and Moscow (Izvestia reported on the exhibition at the Pushkin Museum). However, only the Hermitage decided to complement the works from the Kaplans’ private collection with paintings of its own – giving the show an even more dynamic feel. And for a museum to which Dutch art is so important to embrace such a project certainly carries great symbolism for both parties.

The owner of The Leiden Collection, Thomas Kaplan, shared with Izvestia that the Hermitage’s collection remains his favorite.

“In 2014, our family made a pilgrimage to the Hermitage and I showed my children The Return of the Prodigal Son and The Holy Family with Angels, which we had heard so much about. If Amsterdam is Rembrandt’s Mecca, then Saint Petersburg surely represents Medina.”

“Inside these walls, our Collection develops a special connection to the Dutch Golden Age – and particularly with Rembrandt, who truly has become a part of the Russian soul.”

In addition to the exhibition’s apparent artistic significance, its diplomatic nature is quite obvious – museum exchanges between Russia and the United States have ceased for 10 years now, though this ban does not cover private collections.

The Collection is on display in the Nicholas Hall of the Winter Palace. In this dark and rather massive space (over 1,100 sq. m), the paintings are illuminated by spotlights from above, possibly to emphasize Rembrandt’s mastery of light and shadow.

“I believe the Nicholas Hall constitutes the most lavish place where this collection has been exhibited,” declares Dr. Lara Yaeger-Crasselt, curator of The Leiden Collection. “Such a large space gave us great freedom in terms of exhibition configuration. At the heart of the Hall, we chose to highlight the most valuable collection pieces – mostly works by Rembrandt. His students and followers seem to be dispersing from him like rays of light.”

An especially eagle-eyed catalogue reader will notice the absence of one of the 82 declared works: *Self-Portrait* by Govaert Flinck did not make it to Saint Petersburg after all. During the tour, a decision was made to return the painting to its permanent storage. The American curator shares that the decision was taken to preserve the piece. Ultimately, the addition of 8 paintings from the Hermitage to an already amazingly comprehensive and impressive collection conferred upon the show an even greater aura.

That being said, don’t be under the impression that the museum brought its finest to the Nicholas Hall. The contribution is missing *David and Jonathan* by Rembrandt, which was part of the collection Peter I acquired half a century before the construction of the Hermitage. There is no sign either of *The Holy Family with Angels*, even though its reproduction was placed right next to *Head of a Girl* which is considered a sketch for the famous masterpiece. No paintings by Rembrandt from the Hermitage collection can be found in the Nicholas Hall.

The museum's curators displayed their ingenuity by not boasting about their own collection, but instead integrating the Petersburg rarities so organically that spotting them in this show became a separate intrigue. These paintings' ability to complement the guest masterpieces and to mirror one another represented the main selection criterion. The outcome turned out to be both effective and exquisite – much like the Master himself.

The provenance of Gerrit Dou's *Herring Seller and Boy* sheds light on the exclusivity of the Petersburg exhibition. The painting, now a New Yorker, had been acquired by Catherine the Great in the past and was kept at the Hermitage until the Empress gifted it to Count Vladimir Orlov. In the early 20th century, the Count's heirs sold the family treasure to a foreign buyer. Yet a similarly styled painting by the same artist remained in Russia and is now – quite logically – exhibited next to the Kaplans'. The two masterpieces ended up meeting at the Hermitage.